

Классен Егор Иванович

**Новые материалы для
древнейшей истории славян
вообще и славяно-руссов до
рюриковского времени в
особенности, с легким
очерком истории руссов до
Рождества Христова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Е30

Е30 **Егор Иванович К.**
Новые материалы для древнейшей истории славян вообще и славяно-русов до рюриковского времени в особенности, с легким очерком истории руссов до Рождества Христова / Классен Егор Иванович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 103 с.

ISBN 978-5-519-89229-2

ISBN 978-5-519-89229-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

III

русское, характеристическое усвоили своему племени и даже покушались отнять у Славяно-Руссовъ не только ихъ славу, величіе, могущество, богатство, промышленность, торговлю и всѣ добрыя качества сердца, но даже и племянное ихъ имя — имя Руссовъ, извѣстное изстари, какъ Славянское, не только всѣмъ племенамъ Азійскимъ, но и Израильтянамъ, со времени пришествія ихъ въ обѣтованную землю. И у нихъ Руссы стоятъ въ главѣ не только Римлянъ, но и древнихъ Грековъ — какъ ихъ прародители.

Однакоже не попустимъ имъ присвоить себѣ наше родное и величаться чужою силою, славою, могуществомъ и знаніями! Отнимемъ у нихъ доводами тѣ факты, которые они такъ насильственно приурочили къ исторіи своихъ предковъ, ограбивъ исторію Славяно — Руссовъ!

Мы знаемъ, что исторія не должна быть панигирикомъ, но не дозволимъ же и имъ обращать Русскую исторію въ сатиру.

Можетъ быть, наши русскіе Шлецерянцы, не разбирая сущности дѣла, по одному пристрастію, вступятся за своего кумира, въ чемъ нѣтъ даже никакого сомнѣнія; но чтобы напередъ уже охладить жаръ этой партіи, выведившей огромнѣйшее племя Руссовъ, занимавшее собою половину Европы, изъ крошечнаго племечка скандинавскаго — выразимся сравнительно: натягивавшихъ басковую струну, чтобы извлечь изъ нее тонъ квинты — для охлажденія жара этихъ партизановъ напомнимъ имъ, что Шлецеръ — тотъ, по ихъ мнѣнію, великій критикъ и филологъ производилъ славянское слово: «дѣва» отъ германскаго «Tiffe (сука)»: одного такого производства достаточно, чтобы понять Шлецера безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій его доводовъ, чтобы уничтожить апофеозу, возсозданную ему ослѣпленными его поклонниками!

Но чтобы доказать грубое лжеученіе Шлецерянцевъ, что будто Россія развила свои силы отъ вліянія на нее Скандинавовъ, и что и самое имя свое она получила отъ нихъ же — мы пред-

IV

ставляемъ здѣсь матеріалы для Русской исторіи, которыхъ тля не тлить.

Эти матеріалы состоятъ изъ племенныхъ названій, разсѣянныхъ по всѣмъ исторіямъ и нынѣ очищенныхъ критикою отъ перелада ихъ на Греческій, Римскій, Монгольскій, Нѣмецкій и Скандинавскій типы, и доведенныхъ тѣмъ до прототипа своего; не менѣе того служатъ тутъ названія городовъ, живыхъ урочищъ, городища, могилы, насыпи, клады, развалины, монеты, медали, куміры, памятники разнаго рода, оружіе, образъ жизни, сохранившіеся мѣстные остатки славянскаго языка, нравы, обычаи, повѣрья, порядокъ веденія войны, домашнія утвари, обряды и безчисленные другіе предметы.

Созвучность выводовъ изъ этихъ матеріаловъ даетъ намъ не только что надежную точку опоры, но и рисуетъ ясный обликъ древнѣйшей Славянорусской исторіи.

Греки и Римляне давали многимъ славянскимъ племенамъ свои, произвольно составленныя прозвища, относя ихъ то къ мѣстности, то къ наружности, то къ суровости въ войнахъ, то къ образу ихъ жизни; по кой-гдѣ въ ихъ сказаніяхъ проявляются и настоящія имена тѣхъ племенъ. Отъ этого толщится въ древней исторіи болѣе полусотни именъ лишнихъ, ничего особаго не означающихъ, которыя должны быть напередъ уничтожены, если мы хотимъ прояснить сколько нибудь этотъ хаосъ и отдѣлить изъ него рѣзкою чертою славянское племя, которое станетъ тогда въ свое мѣсто непринужденно, ненасильственно, не по приговору своей воли и краснорѣчія, а по однопознаменательности и сродству обстоятельствъ.

Что мы стоимъ на незыблемомъ материкѣ относительно выбора фактовъ, принадлежащихъ Славяноруссамъ, изъ историческаго конгломерата, пущеннаго подъ названіями Скиеовъ, Сарматовъ, Этрусковъ, Кельтовъ, Аланъ, Норманновъ, Варяговъ и пр.,

то подтверждать живыя урочища и разные другіе памятники, повсюду разсыянные.

Дѣйствительно Славянорусы , какъ народъ, ранѣ Римлянъ и Грековъ образованный, оставили по себѣ во всѣхъ частяхъ стараго свѣта множество памятниковъ , свидѣтельствующихъ о ихъ тамъ пребываніи и о древнѣйшей ихъ письменности, искусствахъ и просвѣщеніи. Памятники пребудутъ навсегда неоспоримыми доказательствами; они говорятъ намъ о дѣйствіяхъ нашихъ предковъ на языкѣ, намъ родномъ, составляющемъ прототипъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій , сливающихся въ немъ , какъ въ общемъ своемъ источникѣ.

Объясненіемъ этихъ памятниковъ , даже первую мысль къ способу ихъ объясненія мы обязаны Г. Воланскому, сдѣлавшему первый и значительный шагъ къ тому, и неустоимо трудящемуся въ продолженіи своихъ розысканій и объясненій.

Не станемъ писать ему заслуженныхъ похвалъ и благодарности , пусть послужитъ таковыми принятіе нами его трудовъ въ параллельное нашимъ выводамъ содоказательство. Мы ставимъ здѣсь руку объ руку наши критическіе выводы съ его разъясненными надписями.

Хотя наши выводы взяты изъ тѣхъ же источниковъ , изъ которыхъ черпали и скандинавоманы ; но мы взяли все то , что ими случайно, а большею частію съ намѣреніемъ пропущено, какъ противурѣчащее ихъ предположенію, что ими своевольно и безъ доказательствъ на то, отвергнуто и наконецъ все то, что ими превратно истолковано, а нами возведено опять къ прежнему смыслу своему и значенію.

Полноты круглой обѣщать въ этомъ дѣлѣ было бы и безуспѣшно и дерзко, но мы обязываемся представить просвѣщеннымъ читателямъ нѣсколько новыхъ фазъ древней Славянской Руси, могущихъ служить точками опоры для развитія нити древней Русской

исторіи и для совершеннаго пораженія лжеученій школы скандинав-
вомановъ !

При дальнѣйшемъ разборѣ надписей на памятникахъ славян-
скихъ, которые въ числѣ тьмы темъ разсыпаны по лицу земли,
образуется конечно и возможность соединить всю древнюю Русь
съ новой въ неразрывную цѣпь и въ постоянно гигантскомъ раз-
мѣрѣ.

Конечно подвигаются такіе труды медленно впередъ; пойдемъ
и мы медленно , не спѣша , но вѣрною стопою и пожелаемъ: да
свершатся они къ чести и славѣ Россіи !

ВВЕДЕНИЕ.

Принимать живое участіе въ минувшихъ дѣлахъ праотцевъ своихъ, восхищаться ихъ славою и величіемъ, и изъ ихъ опытовъ, какъ блистательныхъ, такъ и горькихъ созидать законы для собственной жизни, было всегда разительною чертою характера каждаго сколько нибудь просвѣщеннаго народа, перешедшаго уже за рубежъ политическаго младенчества и достигшаго опытами и разсужденіемъ внутренняго самосознанія. — Эти чувства столь близки и естественны человѣческому сердцу, что нѣтъ надобности доказывать ихъ. Одинъ только безсердечный космополитъ можетъ быть равнодушенъ къ соотчичамъ своимъ, потому что себялюбіемъ уже убиты въ немъ всѣ зародыши высшаго чувства и стремленія. — А потому чѣмъ бы человѣкъ ни занимался, чему бы онъ ни посвятилъ трудовую часть жизни своей, во время его отдыха исторія Отчества найдетъ всегда доступъ къ нему и пріютъ въ его сердцѣ. Герой, сложивъ бранные доспѣхи свои, мудрецъ, закрывъ книгу идей, и горькій труженикъ, окончивъ дневную работу свою, найдутъ отраду и утѣшеніе въ повѣствованіи о ихъ предкахъ.

Нѣтъ, по этому, никакой надобности утверждать, что занятіе исторіею пріятно; такая мысль уже давно обратилась въ аксіому. Но возведемъ этотъ предметъ къ источнику своему — къ единству, обусловливающемуся не номинальной личностію, но общностію приложенія. — Если исторія человѣка есть связный разсказъ Божескихъ путей, по которымъ онъ долженъ былъ воспитываться и усовершенсѣся, то нѣтъ ничего поучительнѣе и возвышеннѣе, какъ глубокомысленное занятіе ею; не смотря на то, будемъ ли мы обращать свои взоры преимущественно на Творца — Воспитателя и вмѣстѣ съ тѣмъ на всѣ событія, прославляющія его всемогущество и мудрость, справедливость и любовь — или кинемъ взоры на человѣка — воспитанника, идущаго предназначеннымъ путемъ, или уклоняющагося отъ

того пути и свободно кующаго жребіи себѣ и потомкамъ своимъ; будемъ ли смотрѣть на него, какъ на раба своихъ страстей, или будетъ занимать насъ борьба его съ порокомъ и заблужденіемъ; останемся ли предъ картиною его величія, или со стыдомъ отворотимся отъ изображенія его позора; привлекутъ ли насъ его добродѣтели, или оттолкнутъ гнусные пороки.

Но какъ мы разсматриваемъ судьбы одного человѣка, этого отдѣльнаго звена въ обширной цѣпи народа, такъ точно можемъ мы разсматривать и судьбу цѣлаго народа въ отношеніи къ самому себѣ, или къ внутренней его жизни, и въ отношеніи къ другимъ, окружающимъ его народамъ, или въ отношеніи къ его жизни вѣдшей. — Тамъ мы увидимъ борьбы силъ нравственныхъ и физическихъ во всемъ объемѣ народнаго итога, увидимъ возрожденіе однихъ часто изъ малаго, но чистаго источника, и погруженіе другихъ всею гигантскою массою своею въ безличнѣйшій хаосъ. — Тамъ мы увидимъ, отъ чего палъ крѣпкій Вавилонъ и просвѣщенный Египетъ, отъ чего разединили Еллыны могущество свое, что низпровергло знаменитѣйшій Иліонъ, какъ роскошь и развратъ наложили цѣпи на колоссальный Римъ, какъ раздоры Славянъ подчинили ихъ чуждому владычеству. Тамъ мы изучимъ причину скоротечности огромныхъ государствъ, составленныхъ Александромъ Македонскимъ, Аттилою, Карломъ Великимъ, Наполеономъ и другими героями минувшаго времени.

И такъ исторія и въ этомъ отношеніи имѣетъ тѣ же двѣ стороны: пріятную и полезную. Въ первомъ отношеніи она служитъ намъ какъ памятная книга о событіяхъ минувшихъ, и въ этомъ случаѣ она рассказываетъ намъ рожденіе народа, развитіе его силъ внутреннихъ и вѣдшихъ, его собственное движеніе въ массѣ всего населенія земнаго шара, а вмѣстѣ съ тѣмъ повѣствуетъ намъ и дѣла нашихъ предковъ, могущія горькими опытами своими утѣшать насъ въ бѣдствіяхъ, а славными одушевлять и вызывать къ подражанію.

Полезная сторона исторіи заключается въ поученіяхъ, какія мы можемъ извлечь изъ событій, раскрывая причины всѣхъ явленій, случайныхъ ли, или подготовленныхъ цѣлыми вѣками и выводя естественныя слѣдствія тѣхъ явленій. Въ этомъ отношеніи исторія дѣлается прагматическою и должна читать намъ поученія какъ надъ монументами, такъ и надъ развалинами древняго величія, свидѣтельствующими и о бывшихъ нѣкогда великихъ событіяхъ. Эта сторона исторіи есть самая трудная и требующая высшей осторожности.

Ибо развивая факты въ ихъ причины и послѣдствія, должно отстранять всякое предварительное предубѣжденіе въ пользу того или другаго народа, всякую современную намъ наглядность въ характеръ его. Последнее важно потому, что настоящее и прошедшее одного и того же народа рѣдко идетъ безуклонно по одной и той же колеѣ, и такъ настоящее никакъ не можетъ служить основаніемъ и мѣриломъ прошлому.

По этому основаніемъ для прагматическихъ развитій должны служить только факты несомнѣнные. Всякое безотчетное предположеніе, всякая гипотеза, внесенная въ пределы исторіи и служащая потомъ точкою опоры для философскаго взгляда на всѣ періоды, за тѣмъ слѣдующіе, вносить ложный свѣтъ въ науку, искажающій духъ, характеръ народа, его внутреннюю силу, его особность, а часто и его достойное величіе.

Безполезно и даже смѣшно безусловно принимать въ область исторіи какія либо сказки, но нельзя отвергать и того, чтобы въ нихъ не находилась иногда и какая либо нить историческая. Всѣ вообще народныя сказанія или легенды дѣлятся на миѳическія и героическія. Первые произошли отъ повѣрья людей въ сверхъестественныя существа съ землею естественною жизнію и страстями и заключаютъ въ себѣ вымыслы, слитые весьма часто съ дѣйствительностію. Это бывало тогда, когда человѣкъ, одаренный особыми противъ современниковъ своихъ способностями, удивлялъ и очаровывалъ ихъ своими дѣйствіями и за то причисляемъ былъ къ существамъ сверхъестественнымъ или миѳическимъ. Героическія легенды суть воспоминанія дѣйствительныхъ событій, въ которыхъ выставлены личныя достоинства героя.

Оба рода этихъ сочиненій относятся къ области поэзіи и отнюдь не къ исторіи. Но разложивъ такое сказаніе на его составныя части, отдѣливъ отъ него вымыселъ строгою критикою, всегда можно пайти въ немъ личность и дѣйствія историческія.

Ибо какъ историческая легенда беретъ свой предметъ изъ круга дѣйствительности, отстраняя иногда только законы времени и пространства, переноситъ эти событія въ область чудеснаго и претворяетъ храбрыхъ людей въ героевъ, героевъ въ полубоговъ и боговъ, и наконецъ на высочайшей степени своего развитія терится въ области чисто миѳической; такъ точно сказанія о божествахъ спускаются въ дѣйствительный міръ, облачаютъ вымышленныя ими существа

ва именами и свойствами живших людей и народовъ. Совершенное слитіе того и другаго рода сказаній въ одномъ твореніи образуетъ эпопею. — Но нѣтъ эпопеи, въ которой не было бы характеристической черты изъ исторіи.

Возьмемъ для примѣра исландскія саги. Мы встрѣчаемъ въ нихъ имена Valland (Галлія), Danmörk (Данія), Gotthiod (Готландія), Rin (Рейнъ) Attli (Аттила), Holmgardr (Холмогоры), Vanä (Венеды). Это все имена, принадлежащія несомнѣнно исторіи. Также объяснятся многія ихъ слова, въ которыхъ прибавляютъ они на концѣ букву г какъ: aesar, diar, iättnar или iotar, thursar или thussar, vanir, vanaheimr, skalogrimr и пр. Отнимите конечную букву г, будетъ: aesi, dia, iättna или iota, thursa или thussa, vani, vanaheim, Skalogrim (азы или полубоги, діи или боги, юты или геты, оурсы или жрецы, ваны или венеты, Венетія или земля Венетовъ, Скалогромъ — (славянинъ, переселившійся съ балтійскаго поморья въ Норвегію, при королѣ норвежскомъ Гаральдѣ, а оттуда перешедшій съ своими ближними въ Исландію и составившій первое ея населеніе). Эти названія взяты всѣ изъ дѣйствительнаго быта. Древнѣйшіе писатели, каковы на пр. Этельвардъ, Альберикъ, Снорро, Торфей, Саксонъ Грамматикъ, утверждаютъ также, что всѣ встрѣчающіяся въ древнихъ скандинавскихъ легендахъ имена взяты съ историческихъ лицъ и народовъ, но перенесены на божества и существа сверхъестественныя.

Сходство именъ въ легендахъ съ именами историческими и хотя самыя легкіе намеки древнихъ на подобныя описаннымъ въ тѣхъ легендахъ событія, а вмѣстѣ съ тѣмъ сходство мѣстностей, породившихъ такія легенды, съ мѣстностями историческими, и сходство обстоятельствъ, дозволяютъ дѣлать и выводы историческіе, при чемъ только боги разоблачаются въ обыкновенныхъ людей.

Разумѣется, что если бы въ скандинавскихъ легендахъ заключались имена героевъ индійскихъ или африканскихъ, то трудно бы было и предполагать соотношеніе этихъ именъ съ исторіею, тогда бы отнесено было это къ случайному созвучію словъ.

Но совсѣмъ не то, когда рѣчь идетъ о двухъ сосѣднихъ народахъ, о ихъ взаимныхъ распряхъ и битвахъ и когда самыя событія расположены въ такомъ порядкѣ, что они приближаются къ нашей хронологіи, и особенно, когда выводъ дѣлается о народахъ, описанныхъ въ легендѣ врагами и противниками; ибо противниковъ древніе писатели старались всегда унижать, а потому извлеченіе дѣйствитель-

наго быта изъ этой стороны не представляет опасности, что мы извлечемъ панигирикъ, но, безъ всякаго сомнѣнія, получимъ выводы о бываломъ.

Дѣйствія, приписанныя преданіями какимъ либо лицамъ, бывають, по обыкновенію, всегда преувеличены; но до этого намъ и дѣла нѣтъ; если мы встрѣтимъ въ скандинавской сагѣ имя Ярослава, то не обращая вниманія на всѣ приписанныя ему дѣйствія, мы можемъ смѣло заключить о бывшихъ въ его время какихъ либо отношеніяхъ Руссовъ съ Скандинавами, или о достопамятности его дѣйствій, сохранившихъ его имя въ сказаніяхъ инородцевъ. — Если сага говоритъ о битвахъ Скандинавовъ съ Руссами, мы не вѣримъ подробностямъ этихъ битвъ, но не смѣемъ отвергать ни существованія Руссовъ въ то время, ни ихъ войнъ съ Скандинавами. А если въ легендѣ упомянуты мѣстности, то мы знаемъ и то, гдѣ тогда Руссы имѣли свою осѣдлость.

Но если на пр. въ легендѣ скандинавской Аттила описанъ человѣкомъ правдивымъ и мудрымъ, а въ исторіи Римлянъ злодѣемъ, то мы повѣримъ легендѣ, а не исторіи, которую писали ненавистники Аттилы, и въ такое время, когда считалось дѣломъ не только обыкновеннымъ, но даже необходимымъ унижать своего врага до того, что изъ исторіи дѣлалась эпиграмма или сатира.

Иліада есть также легенда; въ ней также много вымысла, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней ясно раскрыты и лучше, нежели въ исторіи, послѣдняя борьба Трои и ея паденіе. Подобно этому сказаніе о Царѣ Лазарѣ. — Даже сказки о Бовѣ королевичѣ и царѣ Додонѣ заключаютъ въ себѣ историческое отношеніе; первая входитъ въ исторію третьяго Одина (историческаго) и русской царевны Рынды, а вторая есть пасквиль Славянъ на князя Бодричей (Obodriti), Додона, соединившагося съ Карломъ великимъ противъ Поморянъ и Полабовъ, и погибшаго, вѣроятно, отъ руки подкупленнаго убійцы.

Самыя пѣсни народныхъ много содѣйствуютъ къ объясненію славянской исторіи; въ нихъ почти всегда рѣзко опредѣляется мѣстность событія, на пр. синимъ моремъ, хвалынскимъ, Дунаемъ, Дономъ, разными городами и пр.; изъ нихъ мы извлекаемъ мифологію народа, храбрость его, битвы, оружіе, одѣяніе, обычаи, пристрастіе къ мореплаванію и многія другія черты общественнаго и частнаго быта.

Нѣтъ сомнѣнія, что сплошное и безотчетное, вѣрованье во всѣ такіа сказанія есть грубая ошибка. Строгая критика должна разби-

ратъ такіе и подобныя тому источники, прежде нежели позаимствуется изъ нихъ что — либо для пополненія исторіи; однакоже должно замѣтить, что иногда даже одинъ подобный выводъ можетъ служить связью разорванной исторической нити, и явленія, казавшіяся какъ бы отрывками или эпизодами въ исторіи, привязываетъ къ источнику своему. Однимъ словомъ: для историка, слѣдящаго событія темныя, преувеличенныя или еще нейтральныя, по неопредѣленію ихъ отношенія къ тому или другому періоду, племени или народу — есть особенный тактъ, заставляющій вѣрить или не вѣрить легендѣ; это тактъ наглядности, диверсія историческихъ попытокъ, случайное столкновение двухъ слѣдователей на одномъ пути.

Но отверженіе несомнѣнныхъ фактовъ, по одному только предубѣжденію или пристрастію, и причисленіе ихъ къ сказкамъ есть уже дѣло постыдное и безсовѣстное! Такой писатель ставитъ себя на чреду лжеца и клеветника и не достоинъ титула историка!—Бываютъ, конечно случаи, что факты ускользаютъ, если можно такъ выразиться, изъ подъ обзора дѣписателя, потому что событія раскидываются иногда чрезвычайно вѣтвисто и отъ того весьма трудно бываетъ, при такихъ обстоятельствахъ, сконцентрировать ихъ въ одномъ фокусѣ. Въ такомъ случаѣ писатель неповиненъ въ упущеніи; онъ можетъ пропустить и много фактовъ отъ одного недосмотра, особенно если народъ такъ огроменъ, что занималъ добрую половину цѣлой части свѣта, и такъ разнообразенъ, что проявляется подъ сотнею разныхъ именъ, въ разныхъ, отдаленныхъ другъ отъ друга концахъ, на разныхъ степеняхъ развитія гражданственности и въ соприкосновеніи съ совершенно различными между собою народами—каково было и есть племя Славянское.

Но скептицизмъ нѣкоторыхъ западныхъ писателей дошелъ до того, что они съ какимъ-то дикимъ обаяніемъ хотѣли уничтожить не только легенды, касающіяся народа Славянорусскаго, но и въ самыхъ лѣтописяхъ его старались оподозрѣть тѣ мѣста, которыя ясно говорятъ намъ о самобытности Русской, или выражаютъ какую-либо изыщную черту его, выходящую за предѣлы обыкновенной жизни.— Но странное дѣло: этотъ скептицизмъ домогается затмить въ исторіи Русской все прекрасное и самобытное, а въ западной исторіи онъ отвергаетъ только все дурное.—Такъ, на пр. онъ отвергаетъ въ нашихъ лѣтописяхъ высокую черту характера народнаго, сознавашаго свою немощь отъ разлада многихъ властей своихъ и, для приведенія